



ЛИРА НА ПОГОНАХ

*Поздравляем Героя Социалистического Труда
композитора Бориса Александрова с 80-летием*

ЕГО АНСАМБЛЬ, у которого такое длинное и торжественное (почти, как кантата) название, часто называют короче: ансамбль Александрова. Он носит имя его отца, создавшего этот коллектив, — А. В. Александрова.

Александр Васильевич Александров был известнейшим человеком своего времени, и все-таки в его личной судьбе есть загадка: консерваторец, учившийся у Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Лядова, А. К. Глазунова, окончивший с серебряной медалью по двум классам — сольного пения и композиции, затем сложившийся педагог и музыкант, профессор Московской консерватории, зрелый, семейный человек, и вдруг на сорок шестом году — армия, военная музыка, походная песня, походный быт, поездки по дальним гарнизонам, по следам боев на КВЖД, на Хасане. Ничто, кажется, не предвещало такого поворота в жизни...

— Да ведь подлинная биография творческого человека определяется не внешними событиями. Вот взгляните, — Борис Александрович достает из письменного стола старые листы из нотной тетради, заполненные беглым карандашом. — Это сделанные рукой моего отца черновые записи народных песен. Отец — выходец из крестьян деревни Плахино Рязанской губернии, рано расстался с деревней: дед, занимавшийся зимой извозом, человек, по-своему грамотный, отвез одаренного мальчика в Петербург, а там он со временем попал в древнейшую, существующую с XV века певческую капеллу, которой тогда руководили Н. А. Римский-Корсаков и М. А. Балакирев. Где в городе можно было услышать новые народные песни? Только от солдат, идущих строем. Вот записанная отцом в двадцатые годы красноармейская строевая песня — узнаете? Да нет, где же узнать, слова-то самодельные: «Из Ленинграда, из похода шел советский красный полк» (напевает). Ну, конечно — «По долинам и по взгорьям!» Отец записал и фамилию взводного, напевшего мотив. Так она и упоминалась потом в песенниках: командир РККА И. Атуров.

В конце двадцатых годов нашел восемь неплохих вокалистов, двух танцоров, балниста, чтеца и поставил с ними на сцене Центрального Дома Красной Армии литературно-музыкальный монтаж, посвященный героической 22-й Краснодарской дивизии, которая в дни гражданской войны победоносным маршем прошла от Урала до Черного моря. Первый их концерт в октябре 1928 года и был рождением ансамбля красноармейской песни и пляски.

— Я думаю, для возникновения такого ансамбля были не только субъективные, но и объективные причины, «встречный иск» времени. Сейчас, с исторического расстояния, кажется, что такой ансамбль просто не мог не возникнуть.

— Учтите еще, что для миллионов людей Красная Армия стала школой жизни, она приобщала молодых солдат к культуре. Надо сказать, этот процесс создания социалистической культуры всех тогда захватил. Я был молодой человек, кончал Консерваторию, написал несколько фортепьянных пьес, симфонию и фортепьянный концерт, пережил самое большое свое музыкальное увлечение Скрябиным, — я тайком от отца ходил на репетиции его ансамбля, меня, как магнитом, туда тянуло! Соче-

тание «простой» красноармейской песни и высокого профессионализма в ее исполнении было уже тогда тем сочетанием, которое определило успех ансамбля на долгие годы. Был я, разумеется, и на первом концерте ансамбля. Впечатление оказалось огромным. В зале плакали.

Впрочем, простота — достоинство подлинного искусства, кто из настоящих художников к ней не стремился. Финал Девятой симфонии Бетховена помните? (Напевает). Какая сила, какая экспрессия, а всего пять нот. Пять нот! Вот я и сегодня мечтаю заполнить современную походную песню «в пять нот», а это самое трудное.

— Походную?..

— Слышал, слышал: новый облик армии, ее техническая вооруженность, а я хочу песню «под шаг». Да ведь любой динамизм нашего века все равно будет сверять свой шаг с человеческим, человек — всему мера. Солдаты и сегодня маршируют, значит, им нужна песня, ни в чем не уступающая лучшим предвоенным.

— Это удивительное явление советской культуры — советская песня тридцатых годов. Многие из них и по сей день поют в разных краях земли: «Катюша», «Полюшко-поле», «Орленок», «Каховка», «Партизан Железняк». «Песня о Щорсе»...

— В жизни коллектива это была счастливая творческая пора. Появились «свои» поэты, свои композиторы — братья Покрыс, А. Новиков, М. Блантер, К. Листов, И. Держинский. К этому времени и моя судьба была уже безраздельно связана с армией, с Краснознаменным ансамблем. Я стал дирижером ансамбля, а затем был официально назначен первым заместителем отца. Это не значит, что круг моих музыкальных интересов ограничивался военной музыкой. Я написал семь оперетт, среди них — «Свадьбу в Малиновке». И все-таки по значимости работа в ансамбле уже стала для меня главной. Мы остро ощущали свою необходимость стране, людям. Наши песни, смею думать, по-своему готовили народ к испытаниям, учили воинской чести и благородству.

— Борис Александрович, «Известия» гордятся тем, что причастны к созданию самой первой военной песни «Священная война» на стихи В. Лебедева Кумача, которые были напечатаны в нашей газете 24 июня 1941 года.

— Да, отец прочел их утром перед репетицией и, захватив с собой газету, уехал домой, а к вечеру вернулся в репетиционную комнату, на доске написал ноты. Утром 26 июня ансамбль пел «Священную войну» на Белорусском вокзале, откуда эшелоны отправлялись на фронт.

День Победы мы встретили в Москве. Столько было творческих планов, счастливых надежд! Но через год отца не стало. Вот уже почти сорок лет за отцовским пультом стою я.

Свою ответственность я особенно ощущаю в зарубежных поездках. Золотые лиры на наших погонах обязывают высоко нести честь советского музыкального искусства.

— Давно отмечено: искусство, которое наиболее ярко выражает свое время, само становится частью своего времени, духовной жизни народа, его истории. Как это отражается на повседневной работе с песней?

— Во-первых, мы по-прежнему придаем огромное значение содержанию наших песен, их гражданскому звучанию. Задачи патристического воспитания молодых солдат остаются пер-

востепенными. Во-вторых, чтобы песня жила, она должна обладать одним созвучным своему времени качеством, которое я назвал бы интонацией песни. Песня, даже очень хорошая, но по своей интонации принадлежащая иному времени, не будет воспринята современным слушателем. Тут не помогут ни искусство дирижера, ни прекрасные голоса, ни даже красивая мелодия.

Но ведь необходимо, чтобы образ — а песня, согласитесь, не что иное, как художественный образ, очень емкий и многомерный, — воздействовал на аудиторию. Вот и приходится «ловить» интонацию, ставить песню, как маленький спектакль, и работа руководителя ансамбля уподобляется в чем-то работе театрального режиссера.

— Борис Александрович, так образ или спектакль? Второе, мне кажется, не очень подходит именно к вашему ансамблю, который отличается сдержанностью, некоторая даже строгость исполнения. Сейчас с размахом, может быть, телевидения, да и со сцены мы часто не столько слышим, сколько видим песню, даже у композиторов появилось выражение — «показать песню», а уж певец помогает себе и костюмом, и ритмом движения, и светом. А у вас, как всегда, костюм один, певец может позволить себе жест, улыбку, но более. Так почему же «спектакль»? И не противоречит ли это «образу»?

— Говоря о «спектакле», я имею в виду только рабочую режиссуру песни, выявление ее скрытого смысла. «Священная война», как вы знаете, созрела за одни сутки. Иная песня «не идет», не дается месяцами...

Драматизм и выразительность песни — в пении, в смысловой простоте и музыкальной ясности. Настроение артистов, их способность к воодушевлению, к творческому подъему, к импровизации — тоже, конечно, много значит. Песня, как спектакль, каждый раз рождается заново. Я бы сказал, для нас песня — спектакль, для слушателя — образ.

— Борис Александрович, а правда ли, что так же «не пошла» было знаменитый «День Победы» Д. Тухманова. В своем интервью «Известиям» один известный композитор рассказывал, что в 1975 году услышал, как ваш хор репетировал «День Победы», и песня ему не понравилась, мелодия показалась «намерной», не отвечающей высокому смыслу; и как он потом был потрясен, когда песня состоялась. А вы с самого начала знали, что состоится, верили?..

— Не верил бы — не брался, перед песней мы ведь тоже в ответе. Верил в возможности мощного мужского хора, способного вывить глубинную мужественную интонацию песни. А ошибки бывают. Я сам когда-то говорил отцу (он как раз репетировал «Дождливым вечером, вечером, вечером...»): «Что это ты взялся за какой-то фокстрот?» А он отвечал: ты, мол, ничего не понимаешь. И, разумеется, оказался прав.

Мы были несхожи. Я вот с детства увлекаюсь живописью, сам пишу для себя — так отключаюсь от музыки, отдыхаю; собираю хорошие картины. Он мог не заметить не только того, что висит на стене, но и какая мебель в комнате, был человек горячий, истовый. Я — ровнее. Но перед делом, которое завещал мне отец, стараюсь отвечать по самым высоким меркам взыскательности. Перед ним, перед искусством, перед армией, перед страной.

Беседу вела
Ирина ДЕМЕНТЬЕВА.